

Иван Яшугин

Как Москва
стала
столицей Руси

Иван Яшугин

Как Москва стала столицей Руси

«Издательские решения»

Яшугин И.

Как Москва стала столицей Руси / И. Яшугин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936292-6

Причины возвышения Москвы в средние века, обстоятельства, помогавшие этому, и коренные причины того, что поселение, более чем скромное в сравнении с городами Ростово-Суздальской земли даже по меркам 12 века, оказалось сначала центром нового княжества, потом центром Руси, а впоследствии и России, всегда интересовали историков. Уже около двухсот лет в науке ведутся дебаты по этой теме и, кажется, не было ни одного из специалистов по средним векам, кто не касался её.

ISBN 978-5-44-936292-6

© Яшугин И.
© Издательские решения

Содержание

Мнения историков	6
Возникновение Твери	12
О Москве	15
Начало противостояния	19
Население Московского и Тверского княжеств (по переписи 1678 года)	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Как Москва стала столицей Руси

Иван Яшугин

© Иван Яшугин, 2018

ISBN 978-5-4493-6292-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мнения историков

В главе 4й пятого тома Истории Карамзина «Состояние России от нашествия татар до Иоанна III» читаем: «Нашествие Батыево испровергло Россию. Могла угаснуть и последняя искра жизни; к счастью не угасла; имя, бытие сохранилось; открылся только новый порядок вещей, горестный для человечества, особенно при первом взоре: дальнейшее наблюдение открывает и в самом зле причину блага, и в самом разрушении пользу целости». Новый порядок вещей, считал Карамзин, поубавил спеси боярам, которые часто питали княжеские распри, и сильно перестроил психологию представителей всех княжеских родов. История свидетельствует, пишет Карамзин, «что есть время для заблуждений и для истины: сколько веков россияне не могли живо увериться в том, что соединение княжений необходимо для их государственного благоденствия? Некоторые венценосцы начинали сие дело, но слабо, без ревности, достойной оного; а преемники их опять все разрушали. Даже и Москва, более Киева и Владимира наученная опытами, как медленно и недружно двигалась к государственной целости».

Но, согласно Карамзину, здесь и следует искать «в самом зле причину блага, и в самом разрушении пользу целости».

Предложим замечание любопытное, пишет он: «иго татар обогатило казну великокняжескую, исчислением людей, установлением поголовной дани и разными налогами, дотоле неизвестными, собираемыми будто бы для хана, но хитростью князей (от себя добавим, Московских) обращенными в их собственный доход: баскаки, сперва тираны, а после мздоимные друзья наших владетелей, легко могли быть обманиваемы в затруднительных счетах.....таким образом мы понимаем удивительный избыток Ивана Даниловича, купившего не только множество сел в разных землях, но и целые области, где малосильные князья, подверженные наглости моголов и теснимые его собственным властолюбием, волею или неволею уступали ему свои наследственные права, чтобы иметь в нем защитника для себя и народа». Так, он говорит, возвеличил Москву Иван Калита, а внук его Дмитрий, дерзнул на битву с ханом.

История не терпит оптимизма и не должна в происшествиях искать доказательств, что все делается к лучшему: ибо сие мудрствование несвойственно обыкновенному здравому смыслу человеческому, для коего она пишется. Нашествие Батыево, кучи пепла и трупов, неволя, рабство столь долговременное, составляют, конечно, одно из величайших бедствий, известных нам по летописям государств; однако ж и благотворные следствия оного несомнительны. Лучше, если бы кто-нибудь из потомков Ярославовых отвратил сие несчастье восстановлением единовластия в России и правилами самодержавия, ей свойственного, оградил её внешнюю безопасность и внутреннюю тишину: но в два века не случилось того. Могло пройти еще сто лет и более в княжеских междоусобиях: чем заключились бы оные? Вероятно погибелию нашего отечества: Литва, Польша, Венгрия, Швеция могли бы разделить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытие и веру, которые спаслися Москвою: **Москва же обязана своим величием ханам.**»

Большую роль в деле объединения отводит историк и церкви, считая, что эта роль также явилась следствием татарского господства: «Одним из достопамятных следствий татарского господства над Россией было еще возвышение нашего духовенства, размножения монахов и церковных имений. Политика ханов, утесняя народ и князей, покровительствовала церкви и её служителей; изъявляла особенное к ним благоволение; ласкала митрополитов и епископов; снисходительно внимала их смиренным молениям и часто, из уважения к пастырям, прелагала гнев на милость к пастве. Ханы под смертною казнию запрещали своим подданным грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, имением движимым и недвижимым. Владения церковные, свободные от налогов ординских и княжеских, благоденствовали.....народ жаловался на скудость: иноки богатели».

Не мог пройти мимо интересующего всех, а не только историков, вопроса о возвышении Москвы и В. О. Ключевский, тончайший аналитик и глубокий знаток нашей истории ⁽¹⁾.

«По смерти Александра Невского (1263 г.) в Москве является младший и малолетний сын его Даниил. С тех пор Москва становится стольным городом особого княжества с постоянным князем: Даниил стал родоначальником московского княжеского дома. Таковы ранние известия о Москве. По ним трудно было бы угадать ее дальнейшую политическую судьбу. Ее судьба представлялась неожиданной и дальнейшим поколениям севернорусского общества. Задавая себе вопрос, каким образом Москва так быстро поднялась и стала политическим центром Северо-Восточной Руси, древнерусское общество затруднялось найти ответ: быстрый политический подъем Москвы и ему казался исторической загадкой» пишет В. О. Ключевский. И дальше говорит, что причины этой загадки кроются в том, что источники зафиксировали уже крупные приобретения, а долгая подготовительная работа осталась незамеченной. По его мнению, действие этих таинственных сил заключалось в экономических условиях, определяющих рост города, в свою очередь зависевших от географического положения края в ходе русской колонизации Волго-Окского междуречья. Он считает что, масса русского населения обосновавшись в центре междуречья долго не имела выхода отсюда, сдерживаемая с севера новгородской колонизацией и её ушкуйниками, которые хозяйничали на этих территориях. С востока продвижение сдерживалось мордвой и черемисами. Запад и юго-запад закрывался усиливавшейся Литвой, собиравшей силы для натиска на восточную Русь. Таким образом, в этой области уже в начальный период сосредоточилось значительное население, а после татарского завоевания приток населения сюда усилился за счет южных, юго-восточных и восточных областей. «Это центральное положение Москвы прикрывало ее со всех сторон от внешних врагов; внешние удары падали на соседние княжества – Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Смоленское – и очень редко достигали до Москвы. Благодаря такому прикрытию Московская область стала убежищем для окрайного русского населения, всюду страдавшего от внешних нападений. После татарского погрома более столетия, до первого Ольгердова нападения в 1368 г., Московская страна была, может быть, единственным краем Северной Руси, не страдавшим или так мало страдавшим от вражеских опустошений; по крайней мере за все это время здесь, за исключением захватившего и Москву татарского нашествия 1293 г., не слышно по летописям о таких бедствиях. Столь редкий тогда покой вызвал даже обратное движение русской колонизации междуречья с востока на запад, из старых ростовских поселений в пустынные углы Московского княжества.» Река Москва сделала Москву важным транзитным пунктом, говорит В. О. Ключевский. «Так географическое положение Москвы, сделав ее пунктом пересечения двух скрещивавшихся движений – переселенческого на северо-восток и торгово-транзитного на юго-восток, доставляло московскому князю важные экономические выгоды. Сгущенность населения в его уделе увеличивала количество плательщиков прямых податей. Развитие торгового транзитного движения по реке Москве оживляло промышленность края, втягивало его в это торговое движение и обогащало казну местного князя торговыми пошлинами.» Итак, по Ключевскому было два условия первоначального быстрого роста Москвы: « географическое положение Москвы и генеалогическое положение ее князя. Первое условие сопровождалось выгодами экономическими, которые давали в руки московскому князю обильные материальные средства, а второе условие указывало ему, как всего выгоднее пустить в оборот эти средства, помогло ему выработать своеобразную политику, основанную не на родственных чувствах и воспоминаниях, а на искусном пользовании текущей минутой. Располагая такими средствами и держась такой политики, московские князья в XIV и в первой половине XV в. умели добиться очень важных политических успехов.» Едва ли не решающее значение, считает В. О. Ключевский, имело то, что Москва стала церковной столицей Руси. Переезд митрополита из Владимира в Москву окружил её ореолом духовности и невероятно

поднял авторитет московских князей. Теперь пишет В. О. Ключевский, « в московском князе Северная Русь привыкла видеть старшего сына русской церкви, ближайшего друга и сотрудника главного русского иерарха, а Москву считать городом, на котором покоится особенное благословение величайшего святителя Русской земли и с которым связаны религиозно-нравственные интересы всего православного русского народа. Такое значение приобрел к половине XV в. удельный москворецкий князек, который полтора столетия назад выступал мелким хищником, из-за угла подстерегавшим своих соседей.»

Еще одно обстоятельство, благоприятно повлиявшее на усиление Московского княжества, В. О. Ключевский видит в том, что со времен Ивана Калиты установился новый порядок наследования и собственно княжеской власти, т.е. его вотчинной части, и великокняжеской. «С Ивана Калиты в продолжение ста лет таким великим князем становился почти всегда старший сын предшествовавшего великого князя., Потому переход великокняжеского достоинства в нисходящей линии до смерти Калитина правнука великого князя Василия Димитриевича не вызывал спора среди московских князей, а князьям других линий, соперничавшим с московскими, ни суздальским, ни тверским, не удалось перебить у них великого княжения. Случайность, повторяясь, становится прецедентом, который силой привычки превращается в обязательное требование, в правило. Неоспариваемый переход великокняжеской власти от отца к сыну, повторявшийся в продолжение нескольких поколений, стал, по выражению летописи, „отчеством и дедством“, обычаем, освященным примерами отцов и дедов, на который общество начало смотреть как на правильный порядок, забывая о прежнем порядке преемства по старшинству». Итак, духовенство считало единственно правильным порядком преемство великокняжеского стола в нисходящей линии, а не по очереди старшинства и *даже наперекор истории* признавало такой порядок исконной земской пошпиной, т. е. старинным обычаем Русской земли. Этот новый порядок пролагал дорогу к установлению единовластия, усиливая одну прямую старшую линию московского княжеского дома, устранив и ослабляя боковые младшие.....

А вот соображения С. М. Соловьева: ⁽²⁾

«.... мы должны еще обратить внимание на некоторые обстоятельства, благоприятствовавшие усилению Москвы. Здесь, разумеется, прежде всего мы должны обратить внимание на географическое положение Москвы и ее области. Уже прежде, в своем месте, было замечено о важном значении Москвы как срединного, пограничного места между старою, Южною, и новою, Северною, Русью. Когда Южная Русь потеряла свое значение, княжества обессилели от усобиц, размельчения волостей и особенно от погрому татарского, после которого не было здесь более безопасности, то необходимо должно было усиливаться переселение народа с юга на север, в места более безопасные, и первым пограничным княжеством было Московское: боярин Родион Несторович пришел из Киева в Москву на службу к ее князьям и привел с собою 1700 человек дружины; черниговский боярин Плещеев вследствие татарских опустошений также перешел в Москву. Но если переселялись дружинники, то нет основания полагать, что не переселялись люди других сословий. Притом же кроме Южной Руси в Московское княжество должно было стекаться народонаселение и из ближайших областей – Рязанской, Тверской, Ростовской, постоянно менее безопасных, чем область Московская; пограничная с степью, Рязанская волость часто терпела от татарских нападений, тогда как Москва после 1293 года до самого Тохтамышева нашествия не слыхала о них. Тверское княжество было страшно опустошено татарами и Калитою, потом здесь начинаются усобицы княжеские, заставлявшие жителей, по прямому свидетельству летописи, переселяться в другие области; в Ростовском княжестве насилия москвичей при Калите заставили многих жителей из городов и сел перейти в московские владения. Увеличение народонаселения в княжестве вместе с его продолжительною безопасностью увеличивало доходы княжеские, и отсюда объясняется, почему уже Калита был так богат, что мог покупать целые княжества, как Белоозеро,

Углич и Галич; но что же заставило князей белозерского и галицкого продать свои волости Калите? По всем вероятностям, невозможность платить выходы ордынские. Обилие в деньгах не только позволяло московским князьям увеличивать свои владения внутри и удерживать за собою великокняжеское достоинство, задаривая хана и вельмож его; оно давало им еще новое средство увеличивать народонаселение своих волостей, скупая пленных в Орде и поселяя их у себя; так произошел особенный класс народонаселения – ордынцы, о которых часто упоминается в завещаниях и договорах княжеских; не говорим уже о том, что обилие в деньгах позволяло московским князьям давать переселенцам большие льготы, чем какие они могли получить в других областях, от других, менее богатых князей. Любопытно, что древние путешественники, хваля плодородие Владимирской и Нижегородской областей, называют область собственно Московского княжества малопродуктивной. Мы знаем, что относительно плодородия почвы Владимирская область не имеет преимуществ пред Московской, и потому известие путешественников может быть объяснено только более ранним истощением московской почвы вследствие более раннего и более густого населения.

Кроме увеличения доходов, зависевшего от умножения народонаселения, казна московских князей должна была обогащаться также вследствие выгодного торгового положения их области, которая не только была посредствующею областью между севером и югом, но также благодаря своей реке посредствовала в торговом отношении между северо-западом и юго-востоком. Впоследствии мы видим большой торговый путь из Азии в Европу и обратно по Волге, Оке и Москве-реке; видим указания путешественников на важность торгового положения Московской области вследствие удобства речной системы; нет сомнения, что этот торговый путь существовал и в описываемое время, и прежде: этим объясняется, почему торговые новгородцы утвердили свое владение на Волоке Ламском, важном торговом пункте между рекою Москвою, притоком Оки, Ламою, притоком Волги, и озерною их областью. Но кроме Волжского торгового пути Москва-река имела важное торговое значение для Новгорода как путь в Рязанскую область, богатейшую естественными произведениями из всех областей Северо-Восточной Руси, по уверению путешественников, и особенно изобилующую медом и воском, а этими товарами, как известно, Россия чрез Новгород и Псков снабжала всю Европу..... Важно было положение Москвы в середине, на границе между Северною и Южною Русью, в политическом отношении; важно было посредничество ее речной области между юго-востоком и северо-западом в отношении торговом; думаем, что срединность положения ее между Северною и Южною Русью имела немалое значение и в отношении церковном. Всероссийские митрополиты, пребывавшие на юге, в Киеве, после того как этот город потерял значение, перешедшее на север, и после погрома татарского должны были обратить особенное внимание на Русь Северо-Восточную, куда, видимо, перенеслась главная сцена действия русского православного мира. Митрополиты начинают часто путешествовать с юга на север и наконец утверждают свое пребывание во Владимире Клязьменском; но в то же время, блюдя единство русской церкви, не переставая называться митрополитами киевскими и всея Руси, они не могли оставить без внимания и Руси Юго-Западной; в этом отношении Владимир не мог быть для них удобным местопребыванием, находясь слишком далеко на Северо-Востоке, тогда как Москва, пограничный город между старою и новою Русью вполне удовлетворяла потребности всероссийского митрополита, долженствовавшего одинаково заботиться и о севере и о юге.» Итак, по мнению С. М. Соловьева, главное условие возвышения Московского княжества – это срединность его положения, дававшая политические, торговые и церковные преимущества. В разных местах своего труда Соловьев указывает и на другие условия, содействовавшие успеху Москвы, – личность князей, деятельность бояр, сочувствие общества и так далее, но в оценке разных фактов он делает видимое различие, одно – первая причина усиления и возвышения Москвы, другое – благоприятные условия.

Очень основательный обзор мнений историков касательно вопроса возвышения Москвы сделал С. Ф. Платонов ⁽³⁾: «Костомаров, излагая ход возвышения. Московского княжества, объясняет усиление Москвы главным образом помощью татар и даже самую идею самодержавия и единодержавия трактует, как заимствованную от татар. Бестужев-Рюмин находит, что положение князей, при зависимости великого княжения от хана, должно было развивать в князьях политическую ловкость и дипломатический такт, чтобы этим путем привлечь милость хана и захватить великокняжеский престол. Такой ловкостью и таким тактом обладали именно московские князья. Кроме того, усилению Москвы помогало духовенство, которому, при владении большими вотчинами, было выгодно отсутствие междоусобий в Московском княжестве, и сверх того полнота власти московского князя соответствовала их высоким представлениям об единодержавной власти государя, вынесенным из Византии. Далее деятельность бояр была направлена также на помощь московским государям. Что же касается до срединности положения Москвы, то К. Н. Бестужев-Рюмин считает это причиной второстепенной. С оригинальным взглядом на этот вопрос выступает Забелин. Он главное условие возвышения Московского княжества видит в национальном сочувствии, вызванном хозяйственной деятельностью московских князей. Народ, отягченный и татарским погромом, и междоусобными распрями князей, естественно, относился сочувственно к московским князьям. Эклектическим характером отличается мнение Иловайского, который главной причиной роста Москвы, как политического центра, считает пробуждение народного инстинкта: народ, который чувствовал опасность от татар, должен был сплотиться. Кроме того, Иловайский находит следующие причины, способствовавшие усилению Московского княжества: 1) географическое положение, дающее политические и торговые выгоды; 2) личность князей и их политику (князья самих татар сделали орудием для возвышения власти, что видно из борьбы между Тверью и Москвой; 3) определенная в пользу Москвы политика татар; 4) сочувствие боярства и духовенства; 5) правильность престолонаследия в Москве. И Платонов заключает: «Разбираясь в указанных мнениях, мы видим, что вопрос о причинах возвышения Московского княжества не развивается, и последнее по времени мнение не есть самое удовлетворительное. Мы должны различать те условия, которые были причиной того, что незначительное Московское княжество могло бороться с сильным Тверским княжеством, от тех, которые поддерживали Московское княжество в том положении, на которое оно встало, благодаря первым, и помогли его усилению. В числе первых причин надо отметить: 1) географическое положение, давшее Московскому княжеству население и средства, 2) личные способности первых московских князей, их политическую ловкость и хозяйственность, умение пользоваться обстоятельствами, чего не имели тверские князья, несмотря на одинаковое выгодное положение Тверского княжества и Московского. К причинам, способствовавшим усилению княжества, надо отнести: 1) сочувствие духовенства, выраженное в перемене пребывания митрополии; 2) политическую близорукость татар, которые не могли своевременно заметить опасное для них усиление княжества; 3) отсутствие сильных врагов, так как Новгород не был силен, а в Твери происходили постоянно междоусобия князей; 4) сочувствие бояр и сочувствие населения.»

Приведем также соображения М. К. Любавского, изложенные в статье «Возвышение Москвы» ⁽⁴⁾: По его толкованию, после татарского погрома «под влиянием опустошений и разорений, произведенных татарами в восточных и частью северных княжениях Суздальской земли», произошел «перелив населения с востока на запад Суздальской земли и обусловил естественно возвышение княжеств, лежавших на западе этой земли, Тверского и Московского». «Итак (заключает Любавский), главной и основной причиной, обусловившей возвышение Москвы и все ее политические успехи, было выгодное географическое положение в отношении татарских погромов и происшедшее благодаря этому скопление населения в ее области.» Как мы видим из приведенных материалов, тема возвышения Москвы затрагивалась всеми ведущими историками прошлого и разброс мнений говорит о том, что

она далеко не закрыта; А количество «доказательств» свидетельствует о том, что специалисты вовсе не считают доказательства и аргументы предшественников удовлетворительными. Это подтверждается и мнением наших современников. Так, Н. С. Борисов в работе ⁽⁵⁾, выпущенной в 1999г пишет: «Однако, как ни странно, в литературе до сих пор нет достаточно обширного обобщающего исследования, посвященного именно этой теме. В лучшем случае дело ограничивается соответствующей главой в монографии, охватывающей весь период образования Русского централизованного государства. Существует также немало работ, посвященных отдельным «составляющим» данной темы или смежным с ней сюжетам. В настоящее время назрела потребность в своего рода «инвентаризации» всего этого материала, его систематизации и критическом разборе. Только выполнив эту работу и на ее основе представив более или менее целостную картину наших современных представлений о политике первых московских князей, можно наметить перспективные пути для дальнейших исследований темы.» И возвращаясь к сложности темы, приводим мнение того же автора ⁽⁶⁾:

«Итак, миф всегда есть ответ на неразрешимую загадку. В основе мифа об Иване Калите также лежит тайна. Имя ей – Москва. Мы никогда не знали и, вероятно, никогда уже не узнаем, почему именно этому маленькому окраинному городу Владимиро-Суздальской земли довелось стать столицей Российского государства».

Попробуем все же хотя бы приблизиться к разгадке этой «тайны».

Условимся только, что будем сопоставлять в основном два княжества северо – востока – Московское и Тверское. В силу ряда обстоятельств, которые мы отметим далее, эти княжества были доминирующими в конце 13, начале 14 веков и главным образом между ними пошло соперничество за то, чтобы стать центром силы на Руси. Оба они сформировались относительно поздно и были в этот период неизмеримо мощнее старых Владимиро – Суздальских земель, попавших под татарский каток и практически обескровленных. Не могли соперничать с Москвой и Тверью также Рязанское и Смоленское княжества, не входившие в систему великого Владимирского княжения и находившиеся в особых условиях.

Возникновение Твери

Тверь возникла на месте вблизи впадения в Волгу реки Тверца. Однако, первоначально тверской город, или укрепление находилось не в устье Тверцы, а на противоположном правом берегу Волги в полутора километрах вверх по реке; в этом месте на устье реки Тьмака и расположился первый город. В начале 30-х годов археологи вели здесь раскопки, целью которых было уточнение времени возникновения Твери. По результатам раскопок было определено, что «город» с крепостными укреплениями располагался на мысу у реки Тьмака. Древнейшее насыпное сооружение (вал) возникло не позднее 12 в. До этого, т.е. в 11 в. здесь было поселение сельского типа. На левом же берегу Волги и возле устья Тверцы, где позднее был Отрочь монастырь, не было обнаружено ни укреплений, ни поселений ранее 13 в. Известно, что в 1178 г. великий князь владимирский Всеволод III организовал поход против Новгорода, а фактически с целью наказать Новгородского князя Мстислава Ростиславовича Безокого, с которым находился в состоянии затяжного конфликта со времени княжения его в Ростове. Туда его позвали на княжение Ростовские бояре после смерти Андрея Боголюбского. Мстислав считал Владимира своей вотчиной и явно не желал усиления его самостоятельности. Годом ранее этот конфликт закончился захватом Мстислава на реке Колакша; он якобы был ослеплен Всеволодом по настоянию владимирцев и изгнан из пределов Северо-Восточной Руси. После посещения церкви Бориса и Глеба под Смоленском по сообщениям летописей он «прозрел» и был призван Новгородом на княжение. Брат его Ярополк – в Торжок. Сын Мстислава Ярослав посажен был на Волоке. И вот в 1178г. Всеволод III показал «кто в доме хозяин»: *«Въ лето 6686. Князь велики Всеволод Юрьевич Владимерский сотвори миръ и любовь съ Новгородци, и укрепишася къ нему крестнымъ целованием, и не управишася; онъ же поиде на нихъ къ Торжску, и власти и села пожже, града же не сожже: обещали бо ся ему дань дати Новоторжци, таже солгаша. Он же шедъ взя град их, а самех изби, а жены и дети въ полон поведе, а град ихъ сожже, месяца Декабря во 8 день, на память преподобного отца нашего Потаниа, и тако полон весь и корысть отпусти к Володимерю, а самъ оттоле иде к къ Волоку Ламскому. И приде безвестно, и пожже власти и села, и изыма сыновца своего, князя Ярослава Мстиславича, внука Ростиславля, правнука Владимира Маномеха, и град Волокъ Ламский сожже, и многихъ плени, а иных изби, и иде къ Володимерю.»* (Никоновская л. Т.10). Как видно из этой истории, Тверь здесь не упоминается. В 1181г. новгородцами и черниговским князем был предпринят ответный поход. Новгородцы соединились с войсками черниговцев «на Волзе у Тфери», чтобы совместно выступить против владимирского князя. В других источниках указывается место встречи непосредственно возле устья Тверцы:

«Том же лете, на зиму, иде князь Святослав Всеволодиць, Олгов внукъ, из Руси на Суждаль ратью на Всеволода, а сынъ его Володимер с новгородьци из Новагорода; и съязшася на Вълзе устье Тъхвери, и положиша всю Вългу пусту, и города все пожьгоша, и не дошъдеше Переяславля за 40 верстъ, у Вълне у реце, ту ся воротиша...» ⁽⁷⁾ То же в Никоновской летописи – «и съязшася на Волзе усть Твери».

Из этих сообщений можно заключить, что новгородцы полностью контролировали эту область. Всеволод, однако, вновь напал на Торжок, а не стал искать встречи с вражеским войском в районе устья Тверцы. Нам важно заметить, что в связи с этими событиями в летописях не упоминается Тверь как город или поселение. Здесь слово Тверь или Тхъверь нужно понимать как сегодняшнее название реки Тверца, поскольку приводится слово «устье». Трудно себе представить, что летописец намеренно не стал упоминать Тверь, если бы она существовала в это время; так или иначе одна из сторон напала бы на это поселение.

У В. Н. Татищева сказано, что Всеволод после того, как разорил Торжок велел построить твердь «при устии реки». И хотя историки относятся настороженно к т.н. «татищевским

известиям», всё же это сообщение Татищева выглядит логично, т. к. Всеволод после событий 1181г. не мог не оценить важности контроля устья Тверцы и тем самым передвижений новгородцев в случае очередных конфликтов. Это поселение могло в перспективе контролировать и торговлю Новгорода с «низом». А вот 1209 год можно уже считать годом основания Твери, поскольку упоминание ее под этим годом впервые появляется в Лаврентьевской летописи в связи с походом великого князя владимирского и снова против Новгорода: *«Тою же зимы великий князь Всеволодъ посла сыны своя Костянтина с братьею его на Мстислава Мстиславича на Торжекъ. Мстислав же слышавъ оже иде на не рать изиде ис Торжку Новгороду а отуда иде в Торопец в свою волость. Костянтин же с своею братею възвратишиася со Тьфери и Святослав приде к ним из Новагорода и ехаша вси къ отцю своему в Володимерь»* Указывается, что Константин со своею братиею возвратился из Твери. Слова «устье» здесь уже нет. Упоминание Твери уже под 1209 годом говорит в пользу известия Татищева; не мог же за неполные 30 лет город вырасти из ничего. А в 1215г удельный Переяславский князь Ярослав Всеволодович повелел заключить в темницу в Твери новгородского тысяцкого и новоторжского посадника, в отместку Новгороду, который незадолго до того посадил Ярослава у себя князем, а затем расстался с ним. Вот как рассказывает летопись ⁽⁸⁾: *«Того же лета князь Ярослав я Якуна Зуболомиця, а по Фому посла по Доброциниця, по новоторжский посадник, и оковав потоци и Тьхверь»*. Как видим, Тверская область и, в частности, Тверь в это время контролируется уже Владимирским княжеством, а точнее – входит в зону активных интересов удельного Переяславского княжества, являясь его западной частью. Ярослав Всеволодович продолжал конфликтовать с Новгородом и фактически организовал блокаду в поставке зерна через Торжок, что привело к голоду в Новгороде. Поставка зерна из «низовских земель» была для Новгорода весьма чувствительным элементом жизнедеятельности и оставить это без ответа они не могли. Сам Ярослав находился в Торжке и оттуда руководил организацией блокады. Почему именно из Торжка, а не из Твери, лежащей также на Тверце? В 12—15 вв. Торжок (назывался также Новый Торг), входивший в состав Новгородской республики – не только важный пограничный пункт на юго-восточных границах владений Великого Новгорода. В начале 13 в. на Новоторжском торге собиралось до 2 тыс. новгородских купцов и торговцев. Новоторжские купцы были главными поставщиками хлеба для Новгорода. Но не только. Сюда стягивались, ставшие уже традиционными пути доставки мехов, воска и меда из окрестных земель и скупки их новгородскими торговцами. Впоследствии в 15 в. чеканилась собственная серебряная монета – «денга новоторжская». Город располагался на пересечении сухопутных и водных путей, что и способствовало его экономическому развитию. К 13в город был обнесен стеной, защищен земляным валом и рвами и превратился в серьезную крепость, на которой позднее споткнулись отряды Батыя. Еще более яркую картину средневекового Торжка рисуют данные археологии, получаемые ежегодно Новоторжской археологической экспедицией. На территории Борисоглебского монастыря обнаружены остатки пока единственного на пространстве от Великого Новгорода до Ростова Великого домонгольского каменного храма, расписанного высокохудожественными фресками в конце XII – начале XIII в. Но Ярослав Всеволодович намеревался не только прервать поступление зерна из «низовских земель», но и ущемить новгородцев в приобретении других товаров. Прошло около года после начала блокады и новгородцы в 1216г ответили контрударом. Однако, они не стали нападать на Торжок, т.е. не пошли по Мсте и Тверце, а высадились на юго-западных границах Владимирского княжества, захватили г. Зубцов, после чего принялись грабить земли, контролируемые Тверью. Под Тверью они разбили сторожевой отряд Ярослава и продолжая разорять окрестности захватили даже г. Коснятин, находящийся на самом востоке будущего Тверского княжества при впадении в Волгу реки Нерль. Топоним Коснятин вероятно трансформирован от имени собственного Константин (в летописях это имя часто пишется как Костянтин), которым назвал основанный им в 1134г город Юрий Долгорукий. ⁽⁹⁾ Сейчас на этом месте небольшой поселочек Скнятино.

Узнав о нападении Ярослав спешно отправился к Переяславлю через Тверь. Сама Тверь при этих грабежах вероятно не пострадала, поскольку в летописях при описании этих событий она не упоминается. В действиях новгородцев прослеживается четкий план: они не собирались идти на прямое столкновение с Ярославом, а замыслили акцию устрашения и прошли за спиной князя по его землям и угрожали самому стольному граду княжества – Переяславлю. Чтобы осуществить этот план похода, им необходимо было попасть на верхнюю Волгу с таким расчетом, чтобы обойти Тверь не встретив на пути значительных сил князя. Основным маршрутом, известный как часть известного варяжского пути, проходил от озера Ильмень по реке Пола, или по реке Ловать и далее после ряда волоков выходил на Селигерскую систему озер – Стерж, Вселуг и Пено т. е. по течению верхней Волги. (названия озер современные). По Волге суда шли до правого притока Вазуза, где в 13 в. был основан г. Зубцов, а затем через реку Гжать и ее притоки попадали в Москву реку.

Ко времени нашествия Батые мы застаем Тверь и Тверской регион обширной западной частью удельного Переяславского княжества, периодически участвующего в стычках с новгородцами. Источники молчат о каких-либо других особенностях территории в это время. Заметим, что Переяславль как удельное владение достался Ярославу Всеволодовичу после смерти Всеволода в 1212 г. Старший сын Всеволода, Константин стал владеть Ростовом, Юрий – Владимиром, а самый младший из этих четырех сыновей – Владимир получил Юрьев Польской, хотя как сообщает Татищев, Всеволод хотел отдать Владимиру Москву.

О Москве

Но Москва при этом разделе земель осталась в составе Владимирского княжества, т.е. в руках Юрия Всеволодовича. Однако, Владимир не пожелал княжить в Юрьеве и скрылся в Москве, переждав перед этим некоторое время в Волоке Ламском. Как пишет М. Н. Тихомиров, «...и седе ту в брата своего городе Гюргове». (Древняя Москва...). Троицкая л. подтверждает, что «*он еха в Москву*». Владимира поддерживал, а скорее подстрекал к захвату Москвы старший брат Константин в пику Ярославу и Юрию. Но позже старшие братья примирились и положение Владимира стало сложным. Юрий осадил Москву в 1213г, вынудил брата покинуть город и он был отправлен на княжение в Переяславль Южный, а Юрьев был отдан следующему по старшинству Святославу.

Из этих событий для нас важно, что Москва уже в ту пору котиновалась у княжеской династии достаточно высоко, как минимум следом за Юрьевым. И этому есть объяснение. Вот что пишет М. Н. Тихомиров (Древняя Москва): «Во второй половине XII в. Москва упоминается сравнительно редко и обычно в связи с военными событиями. Однако уже замечаются явный рост города и повышение его общего значения среди других городов Суздальской земли. Москва выступает перед нами прежде всего в качестве крайнего оплота Суздальской земли на ее западной окраине, передового пункта по отношению к Рязанской земле. Не забудем того, что обычная дорога из Рязани во Владимир шла кружным путем по Москве-реке и далее по Клязьме, так как Владимир и Рязань разделяли непроходимые леса и болота. Это своеобразное положение Москвы как перевалочного пункта между Рязанью, Черниговом и Владимиром становится все более заметным к концу XII в., когда она играет важную роль во время княжеской междоусобицы, последовавшей после смерти Андрея Боголюбского. В 1175 г. в нее пришли два князя, стремившиеся утвердиться в Суздальской земле, – Михалко Юрьевич и Ярополк Ростиславич. Они шли из Чернигова, видимо, той же торной дорогой, по которой ранее добрался до Москвы Святослав Ольгович. Ярополк поехал из Москвы в Переславль-Залесский, Михалко – во Владимир. Здесь мы чрезвычайно наглядно видим удобное положение Москвы как конечного пункта дорог, идущих из Чернигова. Из Москвы открывался путь и во Владимир, и в Переславль, и в Великий Новгород.»

Это представление Тихомирова никак не расходится с мнением С. Ф. Платонова: «... с другой стороны, и торговое значение Москвы в первую пору ее существования не выясняется текстом летописей. Если вдуматься в известие летописей о Москве до половины XIII в. (даже и позже), то ясна становится не торговая, а погранично-военная роль Москвы.» (Курс лекций...)

Надо сказать, что история с «княжением» Владимира в Москве тёмная, и нам сложно понять интригу этих событий; скорее всего Владимир по молодости и неопытности недооценил будущих превратностей склоки между родными братьями. Но то, что он выбрал для противостояния с Юрием именно Москву, говорит и о её выгодном стратегическом положении и о достаточности ресурсов. Снова читаем у М. Н. Тихомирова :

«Действия Владимира отнюдь не были его внезапной авантюрой. Он опирался на самих москвичей и хотел прочно утвердиться в Москве. Пока воевали его старшие братья, он вместе с дружиной и „москвичами“ подступил к Дмитрову, принадлежавшему Ярославу. Дмитровцы мужественно защищались и отбили нападение. В кратком известии об этом событии, которое помещено только в одном летописце, находим кое-какие любопытные подробности. Владимир осаждал Дмитров „...с москвичи и с дружиною своею“, чуть не был застрелен осажденными и бежал, испугавшись прихода Ярослава». Действительно, Владимир пробыл в Москве почти год и мог войти во вкус и почувствовать себя князем. Следует все-таки предполагать, что нападение на Дмитров было вызвано не только желанием прихватить город для себя, но и уколоть

противника. Такова история с первым «князем» московским. После этого около 25 лет, т.е. до нашествия Батыя, летописи ничего не сообщают о Москве. А дальше все источники, кроме Новгородских, сообщая о нашествии отмечают, что при взятии Москвы был захвачен и князь Владимир, сын Юрия Всеволодовича, князя Владимирского. Вот, как описывает нашествие татар на Рязань, Коломну и Москву Троицкая летопись: *«В лето 6745 (1237) на зиму придоша от восточныя страны на Рязанскую землю лесом безбожнии Татари и почаша воевати Рязанскую землю и пленоваху и до Проньска, попленивши Рязань весьи пожгоша и князя ихъ оубиша: ихже емше овы растинахуть, другыя же стрелами в ня, а иши опаки руже связывахуть, много же святыхъ церкви огневи предаша, и монастыре и села пожгоша, имена не мало обою страну взяша. Потом поидоша на Коломну. Тое же зимы поиде Всеволод, сын Юрьев, внук Всеволож, противу Татаром и сступишася оу Коломны и бысть сеча велика, и оубиша у Всеволода воеводу Еремея Глебовича и иных мужи много убиша оу Всеволода; и прибежа Всеволод в Володимеръ в мале дружине, а Татарове идоша к Москве. Тое же зимы взяша Москву Татарове, и и воеводу убиша Филипа Нянка за правоверную христьянскую веру, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева, а люди избиха от старьца и до сущего младенца, а град и церкви святыя огневи предаша, и монастыри, вси и села пожгоша, и много имена вѣземие отидоша»*

Дальше татары пошли на Владимир, намереваясь при наличии у них такого пленника получить у Юрия сразу хороший выкуп и облегчить себе взятие города. Летописи сообщают, что действительно, татары первым делом «предъявили» Владимира Юрьевича осажденным и спросили «здесь ли князь Юрий». Не получив желаемого, они церемониться не стали и убив Владимира приступили к осаде. Нам известно, что татары подошли к Рязани 16 декабря 1237г, а 21 декабря взяли город. Еще до подхода основных сил татар к Рязани состоялись переговоры Рязанских князей с татарскими послами о сдаче города и выплате десятины во всем. Сразу после этих переговоров рязанцы послали к великому князю Юрию Всеволодовичу гонцов с мольбой (как выражается летопись) о помощи, но ничего не дождалось. Юрий вместо помощи рязанцам послал своего сына Всеволода с дружиной и воеводу Еремея Глебовича со второй дружиной к Коломне, где после Рязани ожидалась татары. Туда же прибыли и москвичи и один из Рязанских князей – Роман Ингворович со своей дружиной, сумевший бежать из-под Рязани. Вот эти объединенные русские силы были попросту раздавлены татарами под Коломной. Москвичи по свидетельству Тверской летописи бежали с поля боя „ничего не видя“. Следующей на очереди была Москва. Всеволод Юрьевич сумел бежать из Коломны к отцу во Владимир и вот тогда-то Юрий из рассказа сына понял какая чудовищная сила появилась на Руси. Это видно из его реакции на Рязанские и Коломенские побоища: он понял, что собирать армию отпора во Владимире не имеет смысла и ушел собирать полки на Сить. Чем это закончилось мы знаем- полки Юрия на Сити были разбиты, сам он погиб. Мы уже видели из сообщения Троицкой летописи что случилось с Москвой. Но нас интересует роль князя Владимира Юрьевича, точнее его функции в период пребывания в Москве, и когда он там появился. М. Н. Тихомиров в своей работе (Древняя Москва) прямо называет Владимира московским князем, но оснований в источниках для этого нет, т.е. нет упоминаний о том, что он был посажен отцом в Москве. Но у Москвы был ещё и третий князь до того, как она получила официального князя Даниила Александровича, сына Александра Невского. Снова привлекаем М. Н. Тихомирова: „Близость Москвы к Владимиру объясняет нам попытку нового московского князя Михаила Ярославича Хоробрита захватить в свои руки Владимирское княжение. Михаил был сыном Ярослава Всеволодовича, братом Александра Невского. В некоторых источниках он именуется как «князь Михаила Ярославич Московский». Есть предположение, что Москва досталась ему в княжение по отцовскому завещанию, так как по смерти Ярослава брат его, новый владимирский великий князь Святослав Всеволодович, посадил по городам своих племянников, «яко же уряди» князь великий Ярослав Всеволодович. Опираясь на Москву, Михаил выгнал из Владимира своего

слабого дядю Святослава Всеволодовича и захватил в свои руки великое княжение, но в том же 1248 г. погиб в битве с литовцами и был похоронен во владимирском Успенском соборе епископом Кириллом.

Кратковременное княжение Михаила в Москве бросает особый свет на положение этого города среди других русских городов середины XIII в. Михаил Хоробрит первый показал, что ближайшая дорога к владимирскому великокняжескому столу лежит из Москвы, которая являлась ключом к бассейну Клязьмы с запада». Ниже приводится свидетельство 4й Новгородской летописи, на которое ссылается Тихомиров применительно к Михаилу Хоробриту: *«В лето 6757.и Михайло Ярославич Московский убиенъ бысть отъ Литвы на Поротве.»*

Но вернёмся к событиям, связанным с нашествием татар. По свидетельству Воскресенской и других летописей татарами было взято 14 городов Северо-Восточной Руси. В первую очередь нас сейчас интересует какой ущерб был нанесён Москве и Твери. Приведём мнение немецкого историка Э. Клюга⁽¹¹⁾: «Согласно утверждению советских археологов, Тверь наряду с Москвой, Ярославлем и Брянском относилась к сравнительно менее затронутым татарским нашествием регионам Суздальской земли. Области Владимира на Клязьме, Рязани, Переяславля Залесского и районы на верхней Оке и Сейме, напротив, подверглись тяжелым разрушениям.» После смерти великого князя Владимирского Юрия на реке Сить, новым великим князем в 1238 г. стал следующий по старшинству его брат Ярослав Всеволодович, княживший тогда в Киеве.

В целом в Северо-Восточной Руси *«было мирно»* вплоть до начала 50-х годов 13 в. А Ярослав Всеволодович умер в 1246 г. сразу после своей второй поездки в Каракорум, где был, вероятно, отравлен. К тому времени у русских князей вошло в обычай перед поездкой в Орду оставлять завещание. И следующий по старшинству его брат Святослав Всеволодович, ставший великим Владимирским князем, выполнил завещание брата, раздав племянникам, завещанные им города. В источниках не содержатся сведения, какие именно города получили по этому завещанию сыновья Ярослава Всеволодовича. Это можно реконструировать только по косвенным данным. Что касается Твери, то здесь, пожалуй, самая большая неопределенность. Большинство историков считает, что по завещанию удельным князем Твери стал сын Ярослава – Ярослав Ярославич в 1247г., при этом Тверь должна была быть выделена из Переяславского княжества. Как видим, Тверь обрела своего законного князя раньше Москвы и тогда по сути началась история Тверского княжества.

Москва получила своего удельного князя в 1263г. По завещанию великого князя Александра Невского им стал его младший сын Даниил, которому было тогда всего 2 года. Его взял к себе на воспитание родной его дядя, тверской князь Ярослав Ярославич, бывший тогда великим князем владимирским. Его наместники управляли Москвой и волостями целых 7 лет, до той поры, когда скончался Ярослав Ярославич. В 1276г. великим владимирским князем стал Дмитрий Александрович и с этих пор началась междоусобная борьба между сыновьями Александра Невского, Андреем и Дмитрием, продолжавшаяся более 20 лет. В 1281 году Андрей привел на русь татар, чтобы с их помощью перехватить великое княжение у брата, что ему и удалось. Новгородцы поторопились признать Андрея также и своим князем. Дмитрий бежал, а татары рассыпались по Ростово-Суздальской земле и разорили все на своем пути. Сильно пострадала и Тверь, там тоже все было опустошено. Москву это несчастье обошло стороной и она не пострадала. В следующем 1282 году Дмитрий вернулся и стал собирать в Переяславле войско для реванша. Он собирался наказать Новгород, отступивший от него в пользу Андрея, и направился от Переяславля в сторону Твери, чтобы затем захватить Торжок, половина которого принадлежала Новгороду и куда перед этим Дмитрий отправил своих наместников. Но на этот раз Москва и Тверь решили вмешаться, чтобы не дать разгореться новому конфликту между братьями и при этом снова оказаться потерпевшими поневоле, как в прошлом году. Новгородцы также вышли походом в союзе с Тверским и Московским князьями. Войска

встречаются у Дмитрова, т.е. на пути Переяславской рати и стороны приходят к мирному соглашению. Это первое летописное известие о самостоятельных действиях Даниила Александровича. ⁽¹²⁾ *«В лето 6791. Идоша новгородци на Дмитриа к Переяславлю, и Святославъ со тверици, и Данило Олександрович с москвици, Дмитрии же изиде противу плъкомъ со всею силою своею и ста въ Дмитрове. Новгородци стаа, не дошед Дмитрова 5-ю верстъ, и стояа 5 днии близъ себе ссылающеса послы; и створиша миръ на всеи воле новгородчкой, и отъидоша».*

Начало противостояния

А под 1285 г. в летописи впервые был упомянут и тверской князь Михаил Ярославич, будущий непримиримый соперник московских князей. Он был на 10 лет младше Даниила и с ним начиналась новая эпоха противостояния русских князей, на этот раз противостояние самых могущественных соперников северо-восточной Руси. Само упоминание в летописи тверского князя в связи с таким событием было символичным, ибо указывало на превосходство Твери перед остальными княжествами северо-востока. Тверская летопись: «*В лето 6793. Заложиха церковь каменну святого Спаса на Твери благоверным великимъ князем Михаилом Ярославичем, и материю его, благоверною великою княгынею Оксиньею Ярославлею Ярославича, и епископом Симеоном Тверскимъ*». Тверской храм Спаса был первой каменной постройкой на северо-востоке после татарского нашествия. Через пять лет он был закончен, освящен и расписан. И это событие действительно может свидетельствовать о появлении на Северо-Востоке мощного княжества, поскольку такое строительство требовало значительного напряжения сил и ресурсов. Заметим, что первый каменный храм в Москве, Успенский собор, появился только через 40 лет при Иване Калите, а на всем Северо-Востоке не было создано ни одной каменной постройки за сотню лет после прихода Батыя. Идеологом строительства этого храма был несомненно епископ. Тверь обрела епископскую кафедру еще при Ярославе Ярославиче, бывшем тогда и великим князем Владимирским, который переманил к себе Полоцкого епископа Симеона в конце 60-х годов и предложил обосноваться в Твери. Тверская епископия стала второй на северо-востоке после ростовской, и Тверь таким образом стала значительным и авторитетным церковным центром, тогда как 40—50 лет назад это было маленькое поселение на западе Переяславского княжества. Можно считать, что строительство каменного храма Спаса в 80-х годах стало следствием деятельности Ярослава Ярославича, амбициозного первого князя Твери и одновременно великого князя Владимирского (7 лет) и Новгородского (4 года). Приумножил собранные Ярославом ресурсы следующий Тверской князь, его сын, Святослав Ярославич, который немного не дожил до закладки храма. Следующее упоминание Твери и Москвы в летописях находим также под 1285 годом. Троицкая летопись: «*В лето 6793. Того же лета Литва воевала тфферского владыки волости и Олешину и прочии, и совокупившеся Тфферичи и Москвичи, Волочане, Новоторжъци, Дмитровци, Зубчане, Ржевичи, шедше биша Литву на лесе...*». Из списка видно, что основу объединенного войска составляли союзники, выступавшие в 1282 г. против Дмитрия Александровича под Дмитровом: Москва, Тверь и новгородцы. Сам Дмитрий не пришел на помощь войску, выступившему против внешней агрессии.

В 1289 году Москва и Тверь уже не союзники. Дмитрий собрал объединенное войско, куда входили дружины брата его Андрея, Даниила московского, Дмитрия ростовского, и как сообщает тверская летопись «*и вся князи, яже суть подъ нимъ и поиде с ними ко Тффери*». Вначале, однако, они разорили окрестности Кашина, 9 дней пытались захватить сам город, но хорошо укрепленный Кашин выстоял. Вернувшись к Твери, они встретили здесь тверское войско и Дмитрий здраво оценив мощь Тверских полков, решил замириться с Михаилом. Без татар русские князья воевали неохотно. Надо заметить, что из источников не видны причины и мотивы этого похода и в научной литературе не сложилось его объяснения, тогда как сам состав его участников подразумевает какую-то интригу. В 1293 году на Русь вторглась татарская рать Дюдения, приведенная Андреем Городецким против великого князя Дмитрия Александровича. Было захвачено и разграблено 14 русских городов и в их числе, впервые после Батыя пострадала и Москва. Разумеется, был разрушен и Переяславль, отчина Дмитрия. Не пострадала только Тверь, поскольку как раз в этот момент Михаил Ярославич вернулся с другим татарским войском от соперника волжской орды Ногай и Дюдень должен был отойти

не успев занять Тверь. Дмитрий во время этих событий бежал в Псков, а оттуда после ухода Дюдены в степь, вернулся уже в Тверь, где и нашел убежище. По дороге в Тверь он подвергся нападению Андрея, который забрал всю его казну и он больше не представлял ни для кого опасности. В следующем 1294 году после примирения с Андреем он скончался. Великим князем владимирским стал Андрей Городецкий.

В этот период на Руси сложились две коалиции, противостоявшие друг другу. С одной стороны это Андрей Александрович с Ростовским и Ярославскими князьями, с другой - князья Москвы, Твери и Переяславля. Позиции Твери и Москвы по отношению к великому князю определялись опасениями чрезмерного его усиления и в этой связи (по обоснованному мнению Э. Ключа) потенциальной опасностью «полного переворота политических отношений в Суздальской земле». Действительно, к этому времени сложилась законная иерархия претендентов на владимирский стол (после смерти Андрея, разумеется), где первым в очереди теперь был Даниил Московский, а за ним следовал Михаил Тверской. Опасения заключались в том, что при сочетании власти владимирского княжения, сильного удела и новгородского княжения Андрей мог попытаться отодвинуть «очередников» в пользу своего сына Бориса, тем более, что хорошие отношения Андрея с Ордой были сильным дополнительным аргументом. Сын Дмитрия, Иван переяславский также вынужден был опасаться Андрея, давно мечтавшего стать переяславским князем. Подробнее события вокруг Переяславля мы рассмотрим дальше.

Самое начало 14 века было для Московского княжества особенно бурным, но и плодотворным, как впрочем, и для Тверского. Этот момент обоснованно может служить нам точкой отсчета для начала сопоставления позиций двух княжеств в общей системе княжеств северо-восточной Руси, их состояния, в т.ч. материального, действиях их князей и результатах этих действий, успехах и неудачах, оценки политики по отношению к соседям и, конечно, по отношению к Орде. Дж. Феннел считает, что «князья Тверские и Московские были фигурами совершенно иного масштаба, нежели братья и сыновья Александра Невского. Это уже не была борьба между князьями, не имевшими, по-видимому, ни крепких корней, ни достаточно сильных вотчин, чтобы позволить им выдвинуть постоянную программу семейных притязаний на верховный престол. Борьба теперь развернулась между княжескими династиями, способными проводить собственную ПОЛИТИКУ, опираясь на крепкий тыл в виде могущественных наследственных вотчин, и которым не приходилось полагаться только на красоты Владимира и торговые преимущества Новгорода». Думается, однако, что не в масштабе фигур этих князей основная особенность момента, а в обстоятельствах, сложившихся к тому времени. И главное из них это утеря былого могущества Ростовского, Суздальского и Переяславского княжеств, переживших сильнейшие потрясения, потерявших значительное количество населения, что как следствие, вызвало расстройство народного хозяйства. Это привело к резкому снижению податной способности и возможности организации войска. И наоборот, Тверское и Московское княжества все это время собирали население.

Население Московского и Тверского княжеств (по переписи 1678 года)

Как уже говорилось ранее, все видные историки, так или иначе, касались темы «возвышения» Москвы. Указывалось на несколько факторов, определявших рост влияния Московского княжества. Но указывая их, все исследователи оставались как бы в некотором недоумении: этих аргументов, в основном верных, было недостаточно для внутреннего убеждения, что вся их совокупность определила и объяснила феномен роста Московского княжества. Как это не странно, никто из исследователей основательно не рассматривал материальные ресурсы соперничающих княжеств. Если это и делалось, то в самом общем виде, т.е. только качественно. Это касалось и самого главного, наверное, ресурса, а именно количественного сравнения населения двух княжеств. Одним из первых, кто вообще отметил роль населенности территории был С. М. Соловьев ⁽

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.